

А.В. Казакова

СПЕЦИФИЧНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ СТ. 115 УПК РФ

Статья посвящена анализу решений Конституционного Суда Российской Федерации по проверке конституционности института наложения ареста на имущество в качестве обеспечительной меры. Отмечается проблема межотраслевого вида ареста, которая влечет иные вопросы: о балансе частных и публичных интересов, о специализации юристов и т.д. Делается вывод о том, что Конституционный Суд при анализе ст. 115 УПК РФ исполнил неспецифичную роль установления пробелов действующего законодательства.

Ключевые слова: *наложение ареста на имущество, обеспечительные меры, конституционный контроль.*

В Российском государстве установлена и применяется континентальная (романо-германская) система права, что означает базирование на общих нормах, выраженных в законе [1, с. 173]. Антиподом романо-германской юридической системы является англосаксонское право, главным источником которого служит правоприменительная практика (прецедент).

Теоретические постулаты о диаметрально противоположных системах права просты и абсолютно логичны «на бумаге». В процессе реализации норм права в целях более эффективного правового регулирования устанавливаются институты, которые по своей природе являются элементами, «заимствованными» из противостоящей системы.

В российских реалиях вопрос о таком заимствовании существует как проблема отнесения/не отнесения постановлений пленума Верховного Суда Российской Федерации и постановлений (определений) Конституционного Суда Российской Федерации (далее по тексту – КС РФ) к источникам уголовно-процессуального права.

Обратимся к роли решений КС РФ в правовом поле уголовного судопроизводства.

Исходя из смысла ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2] к полномочиям КС РФ относятся:

- Проверка конституционности закона, примененного или подлежащего применению по конкретному уголовному делу на основании жалоб на нарушения прав и свобод граждан и по запросам судов.

- При принятии решения о неконституционности – дать разъяснения о необходимости изменить федеральный закон (иными словами, привести норму в соответствие с Конституцией Российской Федерации).

Перечисленные задачи тоже не вызывают теоретических неточностей: однозначно, роль КС РФ не заключается в создании новых правовых норм, а сводится к проверке имеющихся на соответствие Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) и указание на несоответствия Государственной думе. Председатель КС РФ В.Д. Зорькин от-

мечает, что Государственная дума в целом исполняет решения КС РФ и делает это в надлежащие сроки. Хотя из этого правила существуют исключения [3, с. 1].

В практической деятельности КС РФ отошел от формального подхода. Вспоминается самый яркий пример – Постановление КС РФ № 5-П от 11.05.2005 г. «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда...» [4], в котором суд установил, что пересмотр в порядке надзора в сторону ухудшения положения осужденного допускается лишь в течение одного года по вступлении решения в законную силу. В последующем данное правило было внесено в текст ст. 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [5].

До данных изменений поворот к худшему для осужденного в надзорной инстанции был недопустим. КС РФ не только указал на неконституционность ст. 405 УПК РФ, но и установил срок для подобного пересмотра, продублировав правило, существовавшее в УПК РСФСР 1960 г. [6]. Налицо правотворчество.

Представляется, что в ряде постановлений по предмету рассмотрения вопроса о конституционности ст. 115 УПК РФ КС РФ тоже выполнил неспецифичную функцию. Следует разъяснить корни проблемы. Указанная статья содержит условия и порядок наложения ареста на имущество как обеспечительной меры.

Вообще, меры по обеспечению исполнения решения суда являются институтом гражданского и арбитражного процессуальных прав, поэтому в соответствующих кодексах им отведены отдельные группы норм, а также имеются постановления пленума Верховного Суда РФ. На это указал и КС РФ: поскольку гражданско-правовое требование о возмещении имущественного вреда, причиненного преступлением, – вне зависимости от того, подлежат они рассмотрению в гражданском или уголовном судопроизводстве, – разрешается в соответствии с нормами гражданского законодательства, суды при рассмотрении в уголовном судопроизводстве вопро-

сов, касающихся отношений собственности, не должны допускать подмены частноправовых механизмов разрешения вопросов о собственности уголовно-процессуальными средствами, направленными на достижение целей уголовного судопроизводства [7].

Уголовно-процессуальное судопроизводство, в отличие от гражданского, преследует иные цели:

- Установить лицо, совершившее преступление.
- Доказать вину и иные обстоятельства, указанные в ст. 73 УПК РФ.
- Назначить наказание.

Возмещение вреда, причиненного преступлением, «отходит» на второй план по объективным и закономерным причинам: не хватает внимания и соответствующего опыта в правоохранительных органах. Иными словами, юристы в России подразделяются на две группы: «гражданские» и «уголовные». Те, кто хороши в одном направлении, не всегда знают законодательство и правоприменительную практику из другой сферы. Показателен пример из практики автора настоящей статьи. Пять человек привлекались к уголовной ответственности по ст. 161 УК РФ в связи с совершенным ими ограблением ювелирного магазина в Екатеринбурге. Потерпевший (владелец магазина – Б.) оценил ущерб в размере 400 тыс. руб. Указанный ущерб следователь посчитал обоснованным. Ювелирные изделия были застрахованы, поэтому потерпевший Б. обратился за выплатой в страховую компанию. Начальник отдела урегулирования убытков Ч. провела анализ товарных накладных, квитанций, реестров проданных изделий, соотнесла с предоставленным потерпевшим списком похищенного имущества и установила, что ущерб составляет не 400 тыс. руб., а 205 тыс. руб. Данные документы были переданы следователю и приобщены к материалам уголовного дела [8].

Не следует в сложившейся ситуации критиковать следователей и дознавателей – их внимание направлено, зачастую, на решение более трудных задач.

Вернемся к законодательному регулированию обеспечительных мер. УПК РФ содержит небольшое количество разрозненных норм, направленных на возмещение ущерба от преступлений. При этом в экономической сфере вред уголовными деяниями причиняется имуществу юридических лиц, а сама сумма может исчисляться десятками миллионов. Участники юридических лиц – потерпевших имеют заинтересованность не в поимке и наказании виновных лиц, а в возвращении похищенного имущества. Особенно остро стоит вопрос в ситуациях, когда преступники уже успели реализовать похищенное имущество; интересы потерпевшего наталкиваются на законные права добросовестного приобретателя.

Ряд подобных дел повлек обращения в КС РФ. Ниже приведены наиболее интересные, по мнению автора, позиции органа конституционного контроля.

Постановлением № 1-П от 31.01.2011 г. [7] ч. 9 ст. 115 УКП РФ признана не соответствующей Конституции в той части, в которой не предусматривает

эффективных средств защиты законных интересов собственника имущества, на которое наложен арест для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, в случаях приостановления предварительного расследования по уголовному делу в связи с тем, что обвиняемый/подозреваемый скрылся.

Постановлением № 25-П от 21.10.2014 г. «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйслена» [9] суд установил, что в существующей системе правового регулирования срок ареста имущества зависит от факторов, влияющих на длительность предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу, а предельные сроки ограничены лишь сроками давности привлечения к уголовной ответственности. Законодателю предписано разработать механизм правового регулирования, который бы разрешил ситуацию, связанную с наложением ареста на имущество лиц, не являющихся по делу подозреваемым, обвиняемым или гражданским ответчиком. КС РФ указал не имеющее место нарушение прав таких лиц, выразившееся в неуведомлении их о приостановлении или возобновлении предварительного расследования. Федеральным законом № 190 от 29.06.2015 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10] была вменена обязанность лицу, производящему следствие, при приостановлении уголовного дела решать вопросы: о доказанности/недоказанности факта приобретения имущества на добытые в результате преступления средства, о необходимости наложения/продления/изменения/отмены ареста имущества, об обязательном уведомлении лиц, на имущество которых наложен арест.

В Постановлении № 31-П от 10.12.2014 г. «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория» [11] КС РФ указал, во-первых, на установленные законом различные режимы наложения ареста на имущество в наличных и безналичных денежных средствах. Во-вторых, признал положения ч.ч. 6 и 7 не соответствующими Конституции в той мере, в какой предлагаемый ими механизм обеспечения сохранности имущества не гарантирует эффективную защиту прав и законных интересов лица, признанного потерпевшим и гражданским истцом по уголовному делу, в рамках производства по которому на денежные средства, похищенные со счета этого лица и находящиеся на счетах третьих лиц, был наложен арест, в случаях, когда производство расследования было приостановлено на неопределенно длительный срок в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Во всех вышеперечисленных решениях КС РФ принял на себя несвойственную функцию – обнаружения законодательных пробелов. Представляется, что не все ученые-процессуалисты однозначно согласятся с данным выводом; можно парировать с применением законов, этимологических смыслов слов и прочее. Тем не менее КС РФ посредством предоставленных ему полномочий по установлению конституционности нормы указал законодателю на неразработанность целого института уголовного процесса. Правомочны ли действия КС РФ? Попытаемся разобраться. К компетенции какого органа государственной власти относится деятельность по установлению пробелов? Напрямую это нигде не закреплено. В процессе реализации своих функций все органы власти сталкиваются с неурегулированными правовыми вопросами в той или иной сфере, в связи с чем существует широкий круг субъектов, имеющих права выступать с законодательной инициативой. Поэтому полнее обоснован вывод о правомочии

КС РФ устанавливать проблемы действующего права и указывать на них законодателю.

Осмелюсь попытаться спрогнозировать: в течение какого периода времени Государственная дума сможет внести в УПК РФ соответствующие изменения. На это потребуется не один месяц. Причина кроется в требовании КС РФ *разработать механизмы с учетом баланса частных и публичных интересов* (курсив автора). Найти такое соотношение – очень непростая задача.

Представляется, что указанные выше проблемы связаны, в первую очередь, с межотраслевым видом института наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве: сложно найти равновесие между частным и публичным, установить происхождение и судьбу похищенного имущества без вступившего в законную силу приговора, – и такой комплекс повлек целый ряд постановлений КС РФ, признающих отдельные положения ст. 115 УПК РФ не соответствующими Конституции РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: НОРМА, 2001. 752 с.
2. *Собрание законодательства РФ*. 1994. № 13. Ст. 1447.
3. Зорькин В.Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3.
4. *Собрание законодательства РФ*. 2005. № 22. Ст. 2149.
5. Федеральный закон № 39 от 14.03.2009 г. «О внесении изменений в статьи 404 и 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2009. № 11. Ст. 1268.
6. *Ведомости Верховного Совета РСФСР*. 1960. № 40. Ст. 592.
7. *Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 1-П от 31.01.2011 г.* «По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость – М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой» // *Собрание законодательства РФ*. 2011. № 6. Ст. 897.
8. *Архив Кировского районного суда г. Екатеринбурга*.
9. *Собрание законодательства РФ*. 2014. № 44. Ст. 6128.
10. *Собрание законодательства РФ*. 2015. № 27. Ст. 3981.
11. *Собрание законодательства РФ*. 2014. № 51. Ст. 7528.

SPECIFICITY OF CONSTITUTIONAL CONTROL UNDER ART. 115 OF THE RF CODE OF CRIMINAL PROCEDURE

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 1(7), 37–40. DOI 10.17223/23088451/7/6

Kazakova Aleksandra V., Urals State Law University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: jiky@yandex.ru

Keywords: seizure of property; interim measures; constitutional supervision.

This article analyzes the decisions of the Russian Federation Constitutional Court on the constitutionality of the seizure of property as of an interim measure. There is a problem of interbranch seizure that involves other issues: the balance of private and public interests, specialization of lawyers, etc. The author makes the conclusion that in the analysis of Art. 115 Code of Criminal Procedure the Constitutional Court has detected the gaps in the current legislation.

Russia applies the continental (Romance-Germanic) law, which means basing on the general rules expressed in the law. The antipode of the Romance-Germanic legal system is the Anglo-Saxon law basing on the law enforcement practices (precedents).

Theoretical postulates of the diametrically opposite legal systems are simple and absolutely logical “on paper”. Their effective implementation requires institutes that by their nature belong to the elements “borrowed” from the opposing system.

In Russia, such borrowing implies the problem of classifying / non-classifying decrees and resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Constitutional Court) as the sources of criminal procedural law.

Basing on Art. 3 of the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation”, the powers of the Constitutional Court include: • verification of the constitutionality of the law applied or to be applied in a particular criminal case on the basis of complaints of violations of human rights and freedoms and the needs of the courts; • clarification of the need to change the federal law (in other words, to bring the norm in line with the Russian Constitution), when making a decision on unconstitutionality.

REFERENCES

1. Alekseev, S.S. (1994) *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya* [Ascention to the right. Search and solutions]. Moscow: NORMA.
2. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation]. (1994) 13. Art. 1447. (In Russian).
3. Zorkin, V.D. (2015) Constitution lives in laws. Reserves of improving the quality of Russian legislation. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. 3. (In Russian).
4. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation]. (2005) 22. Art. 2149. (In Russian).
5. Russian Federation. (2009) Federal'nyy zakon № 39 ot 14.03.2009 g. "O vnesenii izmeneniy v stat'i 404 i 405 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law № 39 of March 14, 2009, "On Amendments to Articles 404 and 405 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 11. Art. 1268.
6. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR* [Gazette of the Supreme Soviet]. (1960) 40. Art. 592.
7. Constitutional Court of the Russian Federation. (2011) The Constitutional Court of the Russian Federation Resolution № 1-P of January 31, 2011, "On the constitutionality of provisions of Parts 1, 3, 9 Article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Para. 2 of Section 208 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Para. 9/1 Article 126 of the Federal law "On insolvency (bankruptcy)" in connection with complaints of the Closed Joint Stock Company "Real Estate – M", Limited Liability Company "Solomatinskoe khlebopriemnoe predpriyatie" and citizen L.I. Kostarev". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 6. Art. 897. (In Russian).
8. *The Archive of the Kirov District Court*. Ekaterinburg.
9. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation]. (2014) 44. Art. 6128. (In Russian).
10. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation]. (2015) 27. Art. 3981. (In Russian).
11. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation]. (2014) 51. Art. 7528. (In Russian).